

С(ЧУВ)
В 45
7326-к

✓
Луг 40114
Алексей
Воробьев

КРАСНЫЕ КОЛОСЬЯ

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

[illegible]

Aug 401149

K

KCL

B 70

Алексей Воробьев

КРАСНЫЕ КОЛОСЬЯ

Авторизованный
перевод
Вл. Кострова

Кр.

Издательство «Советская Россия»

Москва — 1970

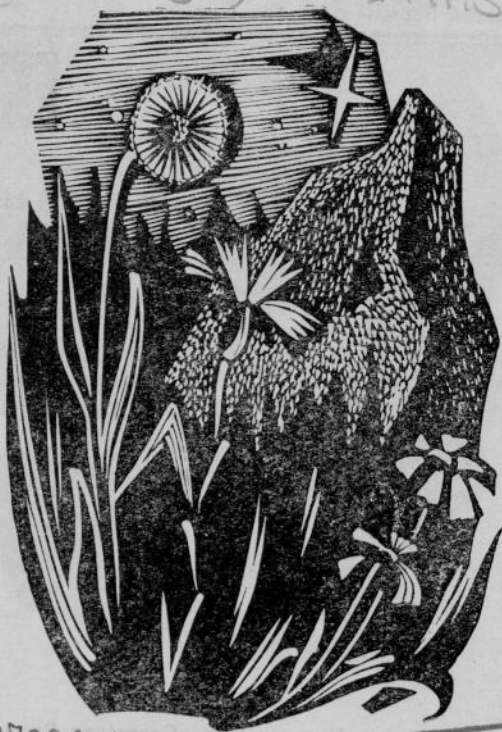
ПОДАШЕНО

Дополнительная библиография

ГБ СССР

ПОДАШЕНО

к 84.09 (= чyb) 6-52 x 444.3
84(200c = чyb) 6-52 x 444.3

27326-к.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ЧУВАШСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

ПРОВЕРЕНО

2310

Поэту Пасарби Цекову

Здесь нет белоголового Казбека,
И солнце рыжий глаз косит чуть-чуть,
Смогли пригорки спины разогнуть,
Равнина задыхается от бега.
А в поле, словно зонт, синее лес.
Цивиль и Кубня косами сверкают.
В низинах ивы платья выжимают.
Звон гуслевой струны спускается с небес.
Ты свежесть пей из звездного ковша,
Ржанных полей хмельные песни слушай.
Пускай они твою наполнят душу,
И будет песнею полна твоя душа.
Студеный сок земли и сок зари
Стране подносят парни-волгари.
Друг, приезжай!
Уже созрело пиво.
Расшит платок, крахмальный, словно снег.
Пускай здесь нет Казбека,
Но счастливо
Живет народ, высокий, как Казбек!

Солнце нитью бесплатной лучится
и на землю глядит свысока,
ткуются дней этих синие ситцы
голубым челноком ветерка.
Не поверишь в далекую осень.
Дышит жизнью парная земля.
Так сочна и густа эта озимь —
сквозь нее не пролезет змея.
Мир, как мачеха, был от рождения —
холод жег и нахлестывал дождь,
но взошло это чудо-растение
с уважительным именем — рожь.
И в зеленом горят озарении
стебельки, словно девки, свежи.
...Я хочу научиться терпению
созревающей медленно ржи!

Отдыхает в поле пахарь,
а у ног сидит огонь.
Взял мужик горящий уголь
на шершавую ладонь.
Положил его на трубку,
сверху ногтем придавил,
не спеша табак разжег он
и сидел, смотрел, курил.
Пар над бороздою серой,
в синем небе птичий гам.
Верю самой главной верой
несжигаемым рукам!

Гомонит базар огромной массой.
 Он с утра разгорячен вовсю.
 Женщина стоит с топленным маслом —
 желтым и целительным сарзю.
 Только что из погреба.
 В кастрюле
 Словно две луны взошли сиять.
 В декабре холодном и в июле,
 слава богу, есть чем торговать.
 Молодайка громко тараторит.
 А лицо похоже на зарю,
 да и стан с березкою поспорит,
 на губах смех тает, как сарзю.
 И не надо на меня сердиться:
 — Отчего, мол, долго смотришь ты?
 В облике крестьянки круглолицей
 вдруг припомнил мамины черты.
 Как и ты, красивая неброско.
 Говорит — слов куры не склюют,
 ну, а если жнет она полоску,
 трое устают и отстают.

Каждую кровинкой, мыслью каждой
только для детей она жила.
Потому березкою чувашской,
может, раньше срока отцвела.
...И сарзю на рынке продавала,
трешку на учење мне давала.
Как в стихах мне суету оставить,
как вложить в них благодарность всю,
чтобы матерей сердца прославить
нежные, как свежее сарзю.

Неизвестно, что решило
воробьиное собрание.

Р-раз! С ветвей ветлы просыпалась
их серая артель.

Но в логах потеки синие
набухли в ожидании,
и по клавишам серебряным
ударила капель.

Высоко в весеннем небе
молодая пела влага,
и вставало в небе солнце
молодое, как кумач.

Для весеннего концерта
оправляя фалды фрака,
по дороге дирижером
важно ходит черный грач.

...И снова детство вспоминаю,
когда я был и бос и юн.
Как начинающий плясун,
я на ковер лугов вступаю.
И кто мне сорок с лишним даст,
когда увидит удивленно,
что, как пацан, я вновь вихраст,
и резв, как шалый жеребенок.
И не шипел свинец во мне,
и не сверкали кровью росы,
не я как будто на войне
сломал старухе-смерти косу.
В лугах играют дети ветра,
трава кудрявая растет,
живую грудь земли с рассвета
цветок старательно сосет.
В реке кукушкин голос тонет,
река прозрачна и светла.
Но, кажется, весь берег стонет,
что моя ноша тяжела.

Что ждут меня пути нехоженные,
непаханные ждут поля.
Цветут мои луга некошенные,
родная трудная земля.

II ветвистый и степенный,
и тяжелый от росы,
у колосьев, как антенны,
растопырены усы.
Уважительно и вольно
по себе пускают волны,
катит их неторопливо,
словно пену да по пиву.
Пусть всегда в деревне нашей
ходит осень полной чашей.

Вот ветер чешет золото волос
У стройных лип и у тугих берез.
Что хочет мне сказать осенний лист,
когда рукой мне машет,
золотист, когда на гибких сучьях
на ветру качается
как в зыбке
поутру?

Я лист беру.
Сейчас он жухл и желт,
уже его осенний холод жег.
Прожилки проступили на листке,
как вены
на натруженной руке.
Бывало,
соки буйные земли
они до сердца дерева несли.
И к солнцу лист тянул свою ладонь,
и пил его живительный огонь.

Ты хочешь мне сказать, осенний лист,
Что близок уж студеной ветров свист,
Что так набухли жилы на листке,
Как на шершавой маминой руке.

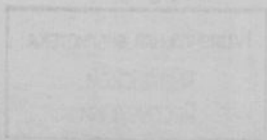

Рождаться прекрасному трудно...
Лишь почки раскроют глаза —
как клены вздохнут,
и—о, чудо!—
закапает сок, как слеза.
Сквозь холод и муки рожденья
пробьется листок на простор,
и клен перед собственной тенью
раскинет зеленый шатер.
Как девушка, гордый и страстный.
А лист его бьется крылом.
Рождается трудно прекрасное,
но ты позабудешь о том.

27326-к.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ

Пробито небо клином журавлиным,
лучом перо упавшее сверкнет.
Гуляет осень по родным равнинам,
всему на выбор краски раздает.
Довольна ива темно-желтым цветом.
Осенний ветер знобок и влюблен.
Горит береза предзакатным светом,
и юн, как парень, светло-желтый клен.
И бродит вяз, на палку опираясь,
за темно-красной краскою с утра.
Лишь дуб стоит зеленый, озираясь,
ему еще, как видно, не пора.
С сороками под низким небосводом
проходит осень.
Нету в ней тоски.
Она всем дарит краски.
Мимоходом
посеребрила и мои виски.

Мнет осень золото листов,
в своих кострах сжигая быстро.
В больших зрачках сухих цветов
сверкают семена, как искры.
Их скоро мертвой белизной
укроют белые бураны,
но все равно они весной
зажгут зеленые поляны.

Расцеловала осень в эти дни
их круглые пылающие лица,
как гости, улыбаются они,
сквозь кожуру их тихий свет струится.
Как в свеженьком яйце
прозрачны, вдруг
в них солнечные блики заиграли.
Мне чудится семян негромкий звук,
как будто стук карандашей в пенале.
О, как сложна бывает и чиста
коричневых семян судьба простая.
Вот яблоко таится у листа,
храня внутри зеленых яблонь стаю.

Снова старые сучья сжигают в саду,
на высоком огне эти ветви горят,
долго-долго они меж собой говорят,
дождик искр растворяется в близком пруду.
Очищается дерево в красном огне,
чтоб, как девушка, вновь расцвести по весне,
чтобы в листья горячее солнце ловить
и живительный свет, как из пригоршни, пить.
Собирая валежник, девчата поют,
собираются вместе, от смеха звеня,
старость сада так просто огню отдают.
И не видят меня,
и не знают меня.
И подумал я так:
быть бы деревом мне,
сколько сучьев я сжег бы в веселом огне!

Мельничиха ль продавала
в белой шубе здесь муку?
Или это покрывало
расстелили на лугу?
Снег на борозды ложится,
излучая тихий свет.
Так природа молодится,
словно баба в сорок лет.
Он сияет белой павой.
Только знаешь ты сама,
этот первый снег лукавый —
это вовсе не зима.
Он к земле не примерзает,
он — до первого луча.
Он сидит сейчас, как заяц,
дать готовый стрекача.
Дорогая, не напрасно
я хочу тебя спросить,
как его непостоянство
с нашим чувством совместить?

Но утрам сугробы ставит пурга.
До чего же белы в деревне снега!
Вот выходишь на заре на крыльцо,
свет от снега освещает лицо.
Тропку делаешь, танцуешь, поешь.
В белой шали кого-то ты ждешь.
От лопаты только искры летят.
Ты не знаешь, что я виноват.
Но три снежинки,
три звезды, так тихи,
от лопаты залетели в стихи.

Полынь, для чего ты на свете живешь,
ведь в сущности ты не ромашка, не рожь?
Цветешь незаметно, зерна не даришь,
а веником возле порога стоишь.
Посевы, как враг, ты за горло берешь
и жирную землю пиявкой сосешь.
Попала ты в сено — узнаешь легко:
глаз вырви — полынью горчит молоко.
Но как-то в постели лежал я больной,
и мама дала мне полынный настой.
И мне полегчало...
Задумался я:
так кто ж мы с тобою,
враги иль друзья?
И мысль подсказать мне ответ не смогла.
Чего же ты корень —
добра или зла?

То ли это улыбается закат?
 То ли девки молодые вышли в сад?
 Замирает даже легкий дым из труб —
 так на улице сияет желтый сруб!
 Скоро в окнах засмеются сто огней,
 поджидая,
 зазывая в дом гостей.
И, вытягивая шею,
 во весь дух
 загорланит приколоченный петух.
 Молодые подметают новый двор,
 Стружка кольцами сплетается в узор.
 Веет свежестью древесной от тесин.
 Видно, русым и кудрявым будет сын!

Весенний ветер быстр и туг,
спешит вагон:
тук-тук, тук-тук,
а, может, хочет мне сказать,
что впереди
Ка-зань, Ка-зань.
Где ты, старинная река?
Тебя, волнуясь, сердце ждет.
Пусть Волга мне издалика
татарской саблею махнет.
Спешу увидеть я твой блеск,
река любимая моя.
Но вот откинул полы лес
и... с двух сторон
горят моря.
Смотри,
сбегая под откос,
(и платья белого не жаль)
веселый табунок берез
по пояс в море забежал.

Ах, как вы, девочки, глупы:
ведь платья-то мочить нельзя!
Как джентльмены, все дубы
прикрыли шляпами глаза.
Ликую, двери отворя,
упруги волны здесь не зря,
раз так сильны мои друзья —
что строят новые моря!

ПИСЬМО К ВОЛГЕ

Волна, словно рыба, крупна и бела,
и бьет хвостом струи.

Ты память и взгляд мой легко смогла
в сети поймать свои.

Мне бы иметь твой бесстрашный бег,
достичь твоей глубины,
когда по тебе льдины и снег
гонит утюг весны.

Ты ребра считаешь своим берегам
и скалам бока грызешь.

Ты душу свою не даешь врагам
и солнечных зайцев пасешь.

Пусть враг не напьется твоей воды,
и мука не грянет на нас,
и окунь надежды в бредне беды
не мечется, пучеглаз.

Как мелкие отрасли маленьких рек
смирят большой поток,
пусть будет широк, как ты, человек,
пусть будет, как ты, глубоковод.

В лесу петляя там и тут,
речушка под крылом сверкала.
— Как огненный пастуший кнут, —
чувашка старая сказала.
О, надо так уметь взглянуть!
Пусть плечи горбятся под бременем,
тоща коса, —
но видят суть
глаза, застиренные временем!
И верю я:
волшебный блеск
в лесу струиться будет вечно.
Упала молния с небес
и стала безымянной речкой.

Подвязав передник синий,
заплетая косу туго,
как помолвленная девка,
красный день идет по лугу.
Словно нитка и иголка,
солнца луч упруг и светел.
Вышивать цветным узором
учит девку шалый ветер.
Но забота к ней вернется —
наступает косовица.
Стан ее, как ива, гнется,
чтобы не переломиться.
Это пот или веснушки
на щеках и по надбровью?
С Цивилем я обнимаюсь,
наполняюсь я любовью.

Вжик!

Хумаш ветер разрезает,
как ножом, листом ведет.

Сам он песню сочиняет,
сам играет,
сам поет.

На букет его не рви —
руки выкрасишь в крови:
он цветок не для подарков,
предназначенных любви.

Он — цветок озерной глуши,
красота его тиха,
лучше ты в тиши послушай
красоту его стиха.

Песни он поет, шурша,
не спеша и от души.

Песни петь у камыша
научились чуваши.

Наша жизнь была болотом
пополам с тоской и потом,

только песни и душа
согревали чуваша.

Всем у нас давно известно,
что у тыщи лет подряд
к камышам учиться песне
гуси-лебеди летят.

Хумаш ветру не сердито,
как струну, подставит лист.
Сам народный композитор,
сам заслуженный артист.

Сума судьбы натерла плечи, —
немало я ее носил...

Лес сосны зажигал, как свечи.

Какшан¹ весенний лед дробил.

Сошли снега.

Земля в обнове.

В глазах рябит, туманит взор,

и клюквинка, как капля крови,

горит в низинах у озер.

Глазаستا ночка!

Так смотреть

и слезы звезд на сердце капать!—

Что хочется или запеть,

или светло навзрыд заплакать

И поклониться до земли.

¹ К а қ ш а н — приток Волги.

Я был несчастен в самом деле,
когда увидел:

журавли

ко мне на Родину летели,
и звал меня их дальний крик,
но за него не зацепиться.

И я готов был в этот миг
в Какшане черном утопиться.

В тоске тяжелой, неживой,
я шел, живую жизнь пороча.

Вдруг над моею головой
взлетела птица — песня ночи.

В глазах ее горел восход,
в моей душе рождалось утро.

Кто выпустил ее в полет
так своевременно и мудро?

Жить и любить — во мне тогда
кричала каждая кровинка.

За птицу-песню навсегда
спасибо, девушка-марийка.

Свернул с широких большаков
в проселочный мой край,
где белый творог облаков
и поля каравай.
Кивают травы: «Как живешь?»
И в тишине лесной
пьют за меня зеленый ковш
с искрящейся росой.
Шуршит осока для меня
немую песню в лад,
и липы клонятся, храня
в цветах медовый клад.
Ты — голоден. Не унывай!
Не замедляй шагов.
Вот — поля свежий каравай
и творог облаков.
Судьба, что сделала со мной,
когда в начале дня
одной счастливою слезой
насытила меня?

С отцом и братом наравне,
с серпом в руках полоской ранней
шагает детство по стерне
в худых лаптях, в рубахе драной.
Не к спеху солнцу на обед —
светило сыто молодое.

А мне так вкусно в десять лет
хлеб с солью запивать водою.

Спят взрослые.

А мы скорей

к речушке — где пески белеют.

Что нам угрозы матерей:

«Опять болячки одолеют».

Срывая на ходу штаны,

с обрыва ты нырнешь глубоко.

И в ласковом кольце волны

захочется уплыть далеко.

Но снова серп горячий
мать
торопливо в руки вложит.
Пора свою полоску жать,
не ветер же тебе поможет?
Он может только освежить,
немного ободрить подростка.
У каждого своя полоска,
а жать ее и значит — жить!

Эту воду пил он тоже,
добрую, как молоко,
стал высоким и пригожим
и... уехал далеко.

И уже ему не снится
вот уже который год,
как красавица девица
в ведрах солнышко несет.

Он живет, не зная горя,
от родной земли отвык,
в доме у большого моря —
видно, мал ему родник.

Но не надо торопиться —
он поймет, пройдут года —
в море можно утопиться,
а напиться — никогда!

(январь и февраль)

Хвостата, как семья лисят,
Заносит след пурга.
На бороне антенн висят
Клочками облака.
С мороза краснолиц кырлач,
идет, снежком скрипя.
Как струны, вожжи;
рвется вскачь
буран, как конь, храпя.
А на саях узор резной
пыль снежная зажгла.
Кырлач? Он парень молодой
из нашего села.
В его зубах сверкает пар
букетом белых роз.
И теплой шубы серебро
не прошибет мороз!
И на щеках его огонь,
и путь его искрист.

И понимает умный конь
его разбойный свист.

Садись-ка в сани поскорей,
Невеста января, —
два полумесяца бровей
и щеки, как заря.

Ведь конь готов рвануться вскачь
и стлаться по земле.

...На Нарсе женится Кырлач.
Быть свадьбе в феврале!

В низине сверкают фонарики рос
и эхо кого-то зовет.

Смотри,
твой подсолнух сильно подрос
и солнцу
навстречу
встает.

По-девичьи талия его узка,
фасон его платья строг,
его защищает от ветерка
лавсановый
желтый
платок.

Он, распушив свой зеленый лист,
всегда на солнце глядит.

Так девушка тайно,
из-под ресниц,
за ладным парнем следит.
Беды и радости есть у всех —
подсолнух не одинок.

Ты слышишь:

утро поймало твой смех —
с ветром сплетенный силок.

Монеты смеха

летят звеня

и падают на кусты.

Ты знаешь,

пожалуй, подсолнух я,

а солнышко —

это ты.

Кашмашский лес шумит «ваш-ваш»,
осенний шум тревожит душу,
напев его чувашский наш
внимательно и долго слушай.
А рядом Поцелуев лог,
и хорошо тебе грустится,
последний раз махнет листок
и до весны с тобой простится.
Прощай! Таков закон листка —
природа им за зелень платит.
И снова легкая тоска
тебя в свой добрый плен захватит.
Весна придет — наступит срок.
Мечтай о ней и жди с доверьем.
Туманен Поцелуев лог
под желтой крышею деревьев.
Как странно — Поцелуев лог!
Тот так назвать тебя приметил,
кто счастье здесь найти не смог?
Или, быть может, радость встретил?

Быть может, в сказочную ночь,
когда луны не видно в тучах,
здесь мельника седого дочь
любила пахаря в онучах?
Иль, суеверий не боясь,
однажды ранним утром колким
поцеловала здесь смеясь
лихого парня комсомолка?
Название это как венец,
в нем скрыта тайная картина.
Святую правду двух сердец
хранит туманная лощина.
Не зря деревья обнялись,
не зря дремучий лес нестрашен.
И каждый куст, и каждый лист
зарю в красный цвет окрашен.

Вышивала полотенце
по двенадцати деньков.
Все двенадцать полотенец —
сорок восемь петухов —
спят в одном из сундуков.
Девушке заснуть не в мочь,
петухи поют всю ночь.
Так, как будто на стрехе,
петух горланит в сундуке.
Тогда откроется сундук,
когда придет к ней милый друг!

Золотые кудри стружки
вспыхнут и сгорят дотла.
Но огонь от зимней стужи
не спасет.

В нем нет тепла.

Вот и ты уже стареешь,
только вспыхнуть не спеши —
никого ты не согреешь,
если нет в тебе души!

Жизнь, прошу тебя не даром,
дай душе моей права
разогреться красным жаром,
как дубовые дрова.

Старый ветряк
за селом на горе
в думах о прошлом
скрипит на заре.
Жернов истерся,
сломались крыла.
Жизнь на ветрах
беспокойной была.

Черная на поясице рука —
ломит усталость бока старика.
Ветер ли острую крышу сорвал,
сам ли он шапку свою потерял?

Много ли вспомнишь?
Труды да беду,
пыль от муки,
шелуху, лебеду.
Да, в неглубоких
ларях ветряка

редко, как радость,
белела мука.

Не на пшенице, —
на ржи да овсе,
грудью под ветром
трудился, как все.

Ястребом крылья свистели
«ваш-ваш».

— Ветер, отдашь свою силу,
отдашь!

Есть и сейчас у него еще мысль:

— Были бы крылья,
а силы б нашлись,
взвился бы к звездам,
в космический мрак!
Славный мужик,
этот старый ветряк.

Грушу, подолгу друга не встречая,
в моих глазах стоит он молодой,
кряжист, как дуб,
в плечах сажень косая,
под потолок упрямой головой.

Где мы встречались?
Посреди метели —
она молола белые снега, —
когда бурана жеребцы храпели,
на нас летели,
словно на врага.

Где мы встречались?
Посреди болота,
где пики сучьев и столбы стволов,
нас подружила потная работа
под пологом из черных комаров.
Круша беду и рассекая темень,
натруженный в работе и бою,
его характер твердый, словно кремь,
не раз дорогу освещал мою.

...Ты прикурил, подставив ветру плечи,
подняв заиндевелый воротник,
сказал:

— Отсюда вправо путь полегче,
но все-таки пойду я напрямик.
И просто, без бравады и без шума
ушел на лыжах в буйные снега.
И паром на спине

дышала шуба,
и черным зевом щерилась
пурга.

Тот вправе называться
другом нашим,
кто обходить, петляя,
не привык,

кто варит сталь,
кто в поле землю пашет
и кто идет по жизни
напрямик!

Вот уже стемнело постепенно,
близок отдых тела и души.
Взбей пышней матрац со свежим сеном,
тихо в изголовье положи.
Голова моя от дум устала,
и на кочке я заснуть бы мог.
На подушку вместо покрывала
расстели мне белый свой платок.
Бормоча стихи неторопливо,
в сон уйду, белесый, словно дым.
Там тебя увижу вновь красивой,
вновь себя увижу молодым.

Холостым,
еще беды не знавшим...
Жадно на тебя я погляжу.
И, как на покосе сытной каши,
у судьбы добавки попрошу.
Ты меня заставишь, как бывало,
все дороги потерять, маня...

А потом под белым покрывалом
ты уйдешь, чужая, от меня.

Почернеет белый дым тумана.

Ты назад из сна меня не жди:

с муками любви и обмана
сердце остановится в груди.

Вздрагну.

Песню оборву на слове,

станут губы жаркие тихи.

В желтый гроб мой свежий,

в изголовье

положи, пожалуйста, стихи.

В них любовь моя,

всей жизни дело,

а не просто разные слова.

И не жалко, пусть хоронят тело,

раз душа в моих стихах жива.

Жил спокойно, не любя,
к тебе тропинка вывела,
загляделся на тебя
и смутился. Видела?
— Нет.

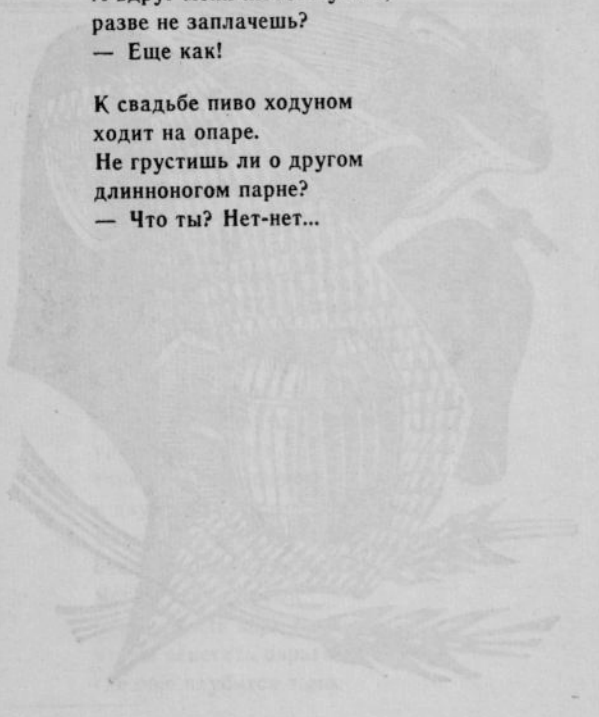
Утром в поле выхожу —
заря огни развесила.
Пашу, не в борозду гляжу,
а на тебя. Заметила?
— Чуть-чуть.

На лугах косил один,
роса покосы вымыла,
а я смеялся без причин.
А это ты увидела?
— Да.

Золото пшеница льет,
за работу платит...

А вдруг меня любовь убьет,
разве не заплачешь?
— Еще как!

К свадьбе пиво ходуном
ходит на опаре.
Не грустишь ли о другом
длинноногом парне?
— Что ты? Нет-нет...

Над лугами на восходе
комариный туй¹ гудет,
парень девушку уводит —
в жены, красную, берет.
По дорожке разноцветной
та лебедушкой плывет.
В небе красная заря
родила богатыря —
солнце в облачных пеленках
улыбается не зря,
тянется лучом своим
к двум влюбленным молодым.
Ваш ребенок будет русым,
очень сильным и прямым.
Ясный свет его ума
брызнет, как заря сама,
чтобы осветить овраги,
где еще клубится тьма.

¹ Т у й — свадьба.

Отчего светло кругом
на лугах, за липняком —
парень девку молодую,
словно утро, вводит в дом.

Лес волшебный, снега и горы,
синий, лыжный след из села —
вышивает мороз узоры,
да они не дают тепла.
А когда вышивает Учик,
напевает, глядит в окно,
и игла, как морозный лучик,
проникает сквозь полотно.
Эта песня ее о друге
чуть качается на весу.
Как медведи, белые выюги
над лыжнею ревут в лесу.
Друг ушел, ты сказала: «С богом!»
А чтоб след его не занесло,
Вышиваешь теперь дорогу,
и в узорах живет тепло.
Вышивай же узоры, Учик,
и мечтою их оживи.
Ведь твое рукоделье учит
постоянству, теплу, любви.

Глаза горят от смеха:
ладони раскрывай,
вот тебе орехи,
бери, щелкай!
Смотри, орех — что надо,
созрел он в сентябре,
и тайный сахар леса
есть в его ядре.
Радость и лукавство
скрывает взгляд,
в тебе и сердце светится
и волосы горят.
Опять смеются губы —
ладони подставляй,
грызи мои орехи —
да зуба не сломай!

И ей, пой, гуляй.

Родимый край,
на свадьбах осени
Ай-хай!

Когда мой средний брат женился,
от яств осенних стол ломился.

Как я там пил — о том потом.

Сейчас представлю вам невесту.

Откуда родом — неизвестно,
и чем богат отцовский дом.

Пуховики или кафтаны
я не считал в ее приданом.

Как пава, ходит не спеша,
цветы весны на коже гладкой.

Уж больно девка хороша!

А плачет — только для порядка.

Эх, улыбайся и пляши,
с любимым мужем

свадьбу празднуй!

И громом грохнули ковши,
когда сошлись в заздравье разом.
Шуршат за праздничным столом
старушки ветхие:

— Как было...

Мы не входили к мужу в дом,
а покупались, как кобылы.

А Уртемей наш, не дыша,
в сто глаз следит за молодою,
и брага пеною хмельною
на пол стекает из ковша.

Ай-хай!

Гуляй,

Родимый край.

Под осень свадеб — сосчитай!

Под басистое гудение шмеля
умываются цветы у Цивилия.
Светлой струйкой льется песня вдалеке,
на ходу она купается в реке.
Вот она уже становится близка,
в ней и радость,
что покоя не дает,
и прекрасная скрывается
тоска.

Эту песню сердце девичье поет.

Вот бежит — идет по лугу

в тишине.

Ах, скажи, — ты кто такая?

Марине!

Бьются полы у халата — два крыла,
вьются косы за спиною — две змеи.

Ты у солнца эту яркость забрала.

Эту утреннюю свежесть — у земли.

Вышло стадо в заливные луга,

Марине с ним говорит о своем:

— Ешь, красуля, набирай молока,
пей, мы желтое масло собьем.
Снова песня зазвенела в вышине —
словно сердце молодое Марине.
В луговой тиши,
медлительной тиши,
днем, пахучим как парное молоко,
эту песню пробудившейся души
крылья юности уносят высоко.
Будут молнии под вечер —
не беда,
не беда, — пускай под вечер грянет гром.
Жизнь,
как мед, бывает сладкой не всегда.
И не надо никогда жалеть о том.
А платок зеленый бьется на ветру,
словно хочет взвиться с песней к вышине,
и жуют траву коровы по утру
и задумчиво внимают Марине.
А чувашке восемнадцать только лет,
оттого дрожит струна в ее груди,
и должна она увидеть целый свет,
показать ему себя саму — гляди!
Он и сладок,
он и горек — этот крик,
в нем и счастье есть и горе,
луч и тень.

Что-то новое свершится

в этот миг,

в этот час,

сейчас,

сегодня.

В этот день!

Есть причина,

что твой голос так высок,

есть причина,

что так песня глубока,

почему зеленый шелковый платок

в этот день достала ты из сундука.

Чуть стесняя, он трепещет на ветру,

в первый раз

свободно плещет на ветру.

В ожиданье песня льется в тишине.

Что-то будет,

что-то будет, Марине?

Языки заплясали косые.
Хворост,
искры бросая,
трещит.
Сковородка шипит, как гусыня,
и котел добродушно ворчит.
Рядом тетя Ануш суетится,
чем бы сыну еще услужить?
Если сын уезжает учиться,
в тесто душу готова вложить.
А когда он вернется оттуда?
И тоска
застигает
глаза,
и гремит, не смолкая, посуда,
и течет незаметно слеза.
Что-то в горле сжимается ту же,
вспоминает она о войне.
Фотографии сына и мужа
друг на друга глядят на стене.

Как два брата
сошлись на рассвете, —
даже слышно биенье сердец.

«Ну, чего ты задумался,
Петя?» —

«О тебе вспоминаю,
отец.

Буду в жизни, как ты,
не сдаваться.

Уезжаю сейчас.

Извини!»

Оба смуглые,
каждому — двадцать.

До чего ж молодые они!

Снова горькие слезы струятся,
снова слышится,
спрашивает муж:

«Что ж не вышла ты замуж,
Ануш?

Ты ведь знала,
что мне не подняться.

Что зарыт я в кургане крутом...»

Голос мужа становится тише.

Только Педер

стучит молотком
по отставшей тесине
на крыше.

И напрасно
мать сыну кричит:
— Опоздаешь, пожалуй, к машине.
Только Педер
стучит и стучит.
Есть упорство отцовское в сыне.
Шире видится мир с высоты.
Все —
и ново
и очень знакомо.
Крыши
каждого нового дома
засверкали, зеркально чисты.
Школа высится в два этажа,
и придут в нее школьники скоро.
Вон «Москвич» у ворот гаража.
Это — фермы,
а это — контора.
Ну, а там, за знакомым прудом,
за дорожкой, ведущей к колодцу,
есть заветный покрашенный дом
в три окошка —
и в каждом по солнцу.
Нет другого такого в стране —
в этом доме живет Марине.
И не знает никто: почему
сердце Педера тянет к нему.

...В этот миг над его головой
что-то сделалось вдруг с синевой,
и два белых ракетных хвоста
притянула
к себе
высота.

Мирный гром
расколол высоту —
это дней наших
резкий полет.

Наших душ и земли красоту
к дальним звездам ракета
несет.

А Марине едва лишь восемнадцать.

В лугах с утра она коров пасет.

«Мой милый будет в космос
подниматься, —

такую песню девушка поет. —

Пусть будет милый

смелый, как Гагарин, —

и так же он поспорит с высотой!»

Она не знает,
что в деревне парень
живет такой же самою мечтой.
Она не знает,

кто в нее влюбился
однажды незаметно и светло.
Как рисковал
и все-таки кружился
у мельницы, схватившись
за крыло.

...В небо силой ракетною брошен,
в корабле
под названием «Восток»
Андрян Николаев из Шоршел
вновь небесный пробил потолок.
Славу гордую Родины нашей
он вознес высоко-высоко.
До небесных высот
из Чувашии
оказалось лететь нелегко.

Слышишь:
Педер стучит неустанно
и мечтает о радостном дне —
о высоком пути Андрияна,
о глубокой любви Марине.
Он вбивает последние гвозди,
видит солнце в знакомом окне.

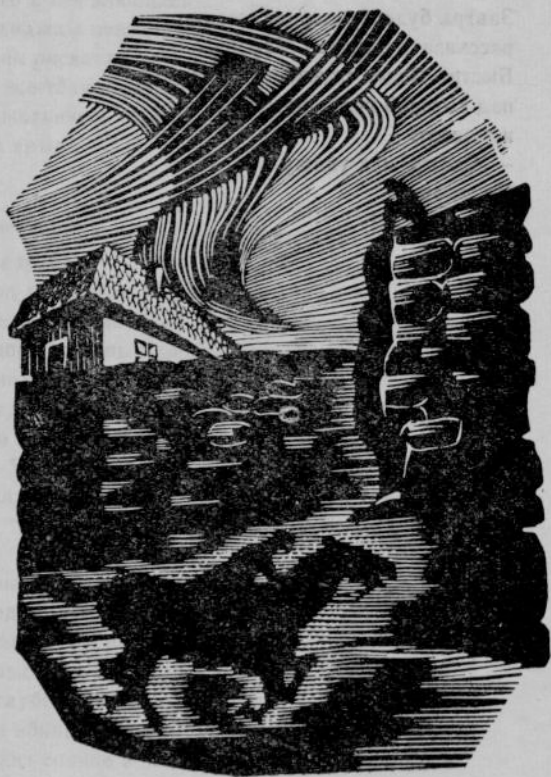
Завтра будет, наверное, поздно
рассказать о любви Марине.

Быстро Педер спускается с крыши,
над которой гудят провода,
и решает:

— Скажу, как увижу.

Но сегодня!

Или никогда!

Солнце в лоб целует,
пыль в степи шуршит.
Вот мальчишка смуглый
по полю бежит.
А башмак из грязи
спорит с ветерком —
запретила мама
бегать босиком.
Бьется рубашонка,
а кепчонки нет.
Шляпу он наденет
только в тридцать лет.
Нету брюк — не сунешь
камушек в карман.
Есть зато на осень
латаный кафтан.
Он привяжет лапти —
не страшна зима,
и навстречу школа
побежит сама...

— Ты кого встречаешь
в поле, сорванец?

Он услышал песню,
что поет отец.

О войне гражданской
песня про бойца.

Бой под Перекопом —
молодость отца.

Он тебя увидел —
лошадь, стой.

И — ах!

Ты взлетаешь к небу
на его руках.

Не убил в них нежность
даже грубый труд,
ну, а расшалится —
уши надерут.

Кажется, впервые
обнял он, любя,
и «сынком» по-русски
вдруг назвал тебя.

Вот он из кармана
пряник достает,
в крошечках махорки,
сладкий, словно мед.

И тебе, навыrost,
дарит он штаны,

и длины отменной
и славной ширины.
И глядят, мечтают
строгие глаза:
«Карандаш возьми-ка,
потерять нельзя!
Да учись получше,
плохо — не к лицу,
чтоб помочь под старость
слабому отцу».
Твой отец красивый,
сильный, молодой.
Неужели станет
он старик седой?
Невестки из Цивильска
нет еще в дому.
На фронт не скоро сына
проводить ему.
Сеет он и пашет,
кормит всю семью,
не зная, что под Витебском
его убьют в бою...
В райцентр делегатом
он поехал от села,
задумчивая песня
над полем поплыла.

О войне гражданской
песня про бойца.
Бой под Перекопом —
молодость отца.
Сын пока не знает,
что такое бой,
Чу... под сапогами
хрустнул куст сухой.
Вышел осторожно
из кустов Гаврил,
что отцу в окошко
топором грозил.
Бородой обросший,
а в руках дубье.
— Стой! — кричит он дико.—
Получай свое!
И, пылая злобой,
на дороге стал:
— Всех убью, кто землю
у меня забрал.
Закричал ты: «Па-апа!»
И в испуге смолк.
Потемнел от крови
купленный платок.
...Прямо к сельсовету
ты погнал коня.

Флаг горит на крыше
яростней огня.

Ты значение цвета
понял до конца.

Флаг окрашен кровью
твоего отца.

В час, когда был пойман,
крепко связан враг,
ты впервые в жизни
стал под красный флаг.

*Петру Николаевичу,
отважному солдату*

Домой!
Домой солдат спешит,
в пути неделю он.
Так низко потолок висит,
и так скрипит вагон.
Пол уплывает под скамьей —
вагон летит
под мост,
а горло сжато,
как петлей,
буравят мысли мозг.
И ворот гимнастерки туг,
и жарко,
как в аду.
На лбу войны нещадный плуг
прорезал
борозду.
Ушла надежда,

как вода
через дырявый пол;
и опрокинута беда
над миром, как котел.
Ты в самом пекле на войне
со всеми наравне,
душою возмужал в бою
за Родину свою.
Такой судьбы не ждет семья.
Как века широка скамья!
Остался парень молодой
наедине с бедой.
Его почти смогли убить,
и враг был
страшен,
груб.
А жадная надежда — жить
пустила корни вглубь.
Но больше не ходить в бои
и не топтать жнивье.
И мысли
будто не свои,
и тело не свое.
А рана свежая болит —
беда со всех сторон.
Как низко потолок висит,
и как скрипит вагон!

Вновь черный
стелется пожар,
дрожит земной упрямый шар,
и падают в бою друзья,
и отступить нельзя.
Опять в огонь идет солдат,
и труден
каждый
шаг,
и раскалился автомат,
и прет проклятый враг.
Уже почти в кольцо зажат
клочок земли
в степи,
но, умирая, твой сержант
сказал:
— Не отступи!
Полынь сухая и песок.
И здесь фашист умрет:
ведь это Родины кусок
на тыщи лет вперед.
И раскалился Сталинград,
почти как автомат,
и плещет Волга позади,
как ненависть в груди.
Смотри,
фашистский танк полез,

грозя твоей судьбе,
он хочет с башни черный крест
поставить на тебе.
Фашист, разбухший,
словно клоп
от выпитой крови,
опять идет в атаку
в лоб.
В прицел его лови!
И шепот слышится друзей,
лежащих без могил:
«Во имя нас его убей!»
И ты врага убил.
Но смертен каждый человек,
разрывы — как кусты,
и вот уже чернеет снег,
и все бледнее ты.
...И снова бой со всех сторон
до самого утра,
Очнулся ты —
опять вагон,
а над тобой — сестра.
— На станции
твоей
стоим,
сходи, солдат,
иди к своим.

Сейчас уже пробьет звонок.
Сходи!
А как сойти
без ног!
О, как остра коса войны —
бьет без разбора и вины,
бьет, ошалела и глупа.
Трудна солдатская судьба.
...Здоровым твой вернулся друг
и весело глядит,
как белизной сверкает луг,
как дом родной гудит.
Работай, уличная весть,
народ на пир сзывай.
Хмельное пиво в бочке есть,
Есть хлеба каравай.
Друг под иконы может сесть,
и — на ногу нога.
Он заслужил
такую
честь,
он разгромил
врага.
Он в каждом доме
первый гость.
Но только день пройдет, —
а ну, солдат, лениться брось,

когда работа ждет!
...Но с другом ни в жару,
ни в дождь
ты в поле не пойдешь.
И без конца твоя беда,
и это — навсегда.
Шныряет ветер,
словно пес,
деревню замело.
«Он только костыли принес!» —
вздыхает все село.
Протезы кожею скрипят,
тревожа и боля,
и землю проколоть хотят
два новых костыля,
когда,
в неполных
двадцать лет,
невесты нет,
надежды нет.
Ты вырос в дядином дому,
он ждал, чтоб ты помог.
Но как опорой быть тому,
кто сам сейчас без ног.
Он, как отец, тебе был рад,
а тетя —
словно мать,

да, видно, никогда внучат
ей в люльке
не качать.
...Сугроб перед тобой, как враг.
Опять сугроб,
опять!
(Наверно, стал короче шаг,
и меньше сил шагать.)
Смотри,
окном мигнул как раз
колхозный клуб тебе.
Легко плывет «Солдатский вальс»
в прокуренной избе.
Казалось,
что топор повесь,
и будет он висеть.
Морозно здесь.
И жарко здесь,
и место есть сидеть.
Пусть нет
ни топора,
ни дров,
и пар слетает с губ,
но молодо
играет кровь,
взметая полы шуб.
Ах, как пляшет бригадир,

может пол пробить до дыр,
в шинели новой — вон каков!
Только искры
из-под подков.
Девки так в ладоши бьют,
пылу-жару поддают.
И подошла
к нему она,
чуть от смущения
бледна.
Сказала:
— Педер, надевай
двухрядку
на плечо
и нам
по-нашенски
сыграй,
как раньше,
горячо.
И принесла тебе тогда
гармошку — страха два ряда.
Хмельной азарт
ударил в кровь,
и пробежал огонь,
едва запела про любовь
колхозная гармонь.

И пляска вылетела в клуб
из-под твоей руки.

Шурша,
вращались полы шуб,
звенели каблуки.

Над полом
ласточкой летя,
скрывая смех в груди,
она, всерьез или шутя,
мигнула — проводи.

...Мычит коровою пурга,
и ветер бьет крылом.

И все ж не так трудны снега,
когда идешь вдвоем.

«Людская жалость мне горька,
как жизнь в чужом дому.

Пойми!»

И взгляд из-под платка
ответил:

«Я пойму!»

Еще неровен зыбкий след
на бугорке крутом,
еще любви в помине нет —
она придет
потом.

Еще, как прежде, вязок снег,
ревет пурга, трубя,
но рядом добрый человек,
поверивший в тебя.
В такие ночи у солдат
впервые раны не болят.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашение в Чувашию	5
Молодая озимь	6
«Отдыхает в поле пахарь...»	7
Сарзю	8
Март	10
На лугах	11
Ячмень	13
Осенний лист	14
«Рождаться прекрасному трудно...» .	17
«Пробито небо клином журавлиным...» .	19
«Мнет осень золото листов...»	20
Яблоки	21
В осеннем саду	22
Первый снег	23

«По утрам сугробы ставит пурга...»	24
«Полынь, для чего ты на свете живешь...»	25
Новый дом	27
Упругие волны	28
Письмо к Волге	30
Из окна самолета	31
На цивильских лугах	32
Камыш	33
Птица песни	35
Возвращение	37
Веяние детства	38
Родник	41
Кырлач и Нарс	42
Подсолнух	44
Поцелуев лог	46
Петухи	48
Дубовые дрова	49
Ветряк	50
Идущий напрямик	52

Изголовье	54
«Жил спокойно, не любя...»	56
Уводит парень девушку	59
Вышивальщица Учик	61
Орешек	62
На свадьбе	63
Зеленый платок	65
Проводы	68
Цвета крови	75
Сквозь бурю	80

Алексей Александрович Воробьев

КРАСНЫЕ КОЛОСЬЯ

Редактор И. В. Рыжиков

Художник Б. А. Валит

Художественный редактор Н. Л. Юсфина

Технический редактор Т. Ф. Клапцова

Корректор Л. П. Королева

Сдано в набор 20/I-1970 г. Подписано к печати
22/VI-1970 г. Формат бум. $60 \times 90^{1/32}$ Физ. печ. л. 3,0.
Уч.-изд. л. 2,4. Изд. инд. ЛХП-197. А03170.
Тираж 4000 экз. Цена 26 коп. Бум. № 2.
Издательство „Советская Россия“. Москва, проезд
Сапунова, 13/15.

Типография „Труд“. Орел, ул. Ленина, 1.
Заказ № 533 гр

А. Воробьев.

В75 Красные колосья. М., «Сов. Россия»,
1970 русск. ориг.

Сборник стихотворений чувашского поэта А. Воробьева (переводы В. Кострова) воспринимается как единое целое, настолько он однороден, написан на одном дыхании. Свежесть — основное качество сборника.

Особый интерес вызывает образная система поэта: неброские на первый взгляд образы наполнены глубокой мыслью.

С (Чув)

7—4—3

251—70

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге и пожелания присылать по адресу: Москва, Центр, проезд Сапунова, 13/15, издательство «Советская Россия».

Депрессия

Б.С.СР

Имя У.Л. ДЕНИС

ОБЩЕСТВО

26 коп.

0.05

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ